

Последний акт жизненной трагедии Пушкина с особой силой приковывает взоры поколений. Давно уже известны имена прямых и косвенных виновников смерти поэта; досконально изучены подробности этой катастрофы. Драматические события, приведшие к кровавой развязке, поражают наше воображение; они невольно заслоняют от нас умственную жизнь Пушкина в последние предгрозовые месяцы. Между тем энциклопедические интересы Пушкина, его богатая внутренняя «лаборатория», его усиленные занятия русской историей столь интенсивны, что исследование их сулит много интересного, ускользнувшего от нашего внимания. И здесь к нам на выручку снова спешит Александр Иванович Тургенев; его дневник помогает нам понять, какой напряженной интеллектуальной жизнью жил Пушкин на краю гибели.¹

20 ноября 1836 года Александр Иванович выехал из Москвы в Петербург. Наступили месяцы самых тесных

¹ В 1928 г. П. Е. Щеголев опубликовал выдержки из дневника Тургенева с 25 ноября 1836 года по 19 марта 1837 года (Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина. Изд. 3-е. М.—Л., 1928, с. 274—300. В дальнейшем цитаты из этого дневника, сверенные с рукописью, даются по указанному изданию). Исследователь привлёк для своей работы лишь те записи, которые относились к дуэли и смерти поэта. Наиболее содержательные, насыщенные идейной информацией записи Тургенева о его беседах с Пушкиным остались без пояснения. Позднее только небольшая часть их привлекла внимание пушкинистов (М. П. Алексеев, И. Л. Фейнберг).

его отношений с Пушкиным, В письме к И. С. Аржевинову, своему двоюродному брату, Тургенев писал 30 января 1837 года: «Последнее время мы часто видались с ним и очень сблизились; он как-то более полюбил меня, а я находил в нем сокровища таланта, наблюдений и начитанности о России, особенно о Петре и Екатерине, редкие, единственные. Сколь пропало в нем для России, для потомства, знают немногие...»²

Тогда знали немногие, теперь знает вся мыслящая Россия.

«27 ноября... Обед у Вяземских — с Жуковск<им>, с Пушк<инным> в театре. Семейство Сусанкина; открытие театра, публика. Повторение одного и того же. Был в ложе у Эжерна» (274—275).

В письме к брату Тургенев писал несколько подробнее о своих впечатлениях:

«Вчера я был на открытии театра; давали новую русскую оперу Семейство Сусаниных композитора Глинки, и это отлично во всех отношениях: театральная роскошь, костюмы, публика, музыка и балетные номера! Двор присутствовал почти полностью. Ложи, заполненные богато разодетыми красавицами.

Я нашёл Жуковского в хорошем состоянии; он всегда такой же для всех и для всего, и мы говорили обо мне. Вяземский менее опечаленный; Пушкин озабочен семейными делами».³

29 ноября Александр Иванович встречается с Пушкиным вечером у Вяземских, 30-го — у Карамзиных, где отмечали день рождения покойного историографа. 2 декабря Тургенев навещал Пушкина и беседовал «с ним о древней России: „быть без мест“» (276). Вероятно, воспоминания о Карамзине вызвали желание поговорить о временах давно прошедших, описанных в «Истории государства Российского». С середины XV века в России существовало так называемое местничество, которое унаследовало право бояр, в зависимости от древности и знатности рода, на чины и должности при дворе Московского князя. По этому обычаю строго соблюдалось распределение мест за великокняжеским столом и во время всяких

² РА, 1903, кн. 1, с. 143.

³ Щеголев П. Е. Указ. соч., с. 275 (подлинник по-французски).

церемоний. Однако в отдельных случаях, по желанию государя, этот обычай не соблюдался; выражение «быть без мест» означало приказ не придерживаясь обычной иерархии. Эти частные отступления не колебали существенно местничество, которое было уничтожено лишь в 1682 году при царе Федоре Алексеевиче.

5 декабря Тургенев и Пушкины были на обеде в хлебосольном доме М. В. Пашкова. «Кто-то, увидев прелестную талию Пушкиной, утонченную до того, что ее можно обнять Филаретовой поручью, спросил в изумлении: „Куда же она положит обед свой?“», — не без юмора писал Александр Иванович в Москву.⁴

«6 декабря. Брал возок. В 11-м часу был уже во дворце. Обошел залы, смотрел на хоры. Великолешие военное и придворное. Костюмы дам двора и города. <...> Пушкина первая по красоте и туалету... Лобызание Уварова» (276).

О том же посещении дворца Тургенев сообщал А. Я. Булгакову: «Пение в церкви восхитительное! Я не знал, слушать ли или смотреть на Пушкину и ей подобных? Подобных! но много ли их? Жена умного поэта и убранством затмевала всех».⁵

9 декабря Александр Иванович был в гостях у Пушкиных, а 10-го смотрел с ними в театре французские водевили.⁶ «Играют похабные пьесы», — сказал А. И. Тургенев Баранту о французском театре несколько дней спустя.

«15 декабря. <...> вечер у Пушкиных до полуночи. Дал песню о полку Игореде для брата с надписью. О стихах его, Р. и Б.⁷ Портрет его в подражании Державину: «весь я не умру!» О М. Орлове, о Киселеве, Еромлове и к. Меншикове». Знали и ожидали, „без нас не обойдутся“. Читал письмо к Чаадаеву, не посланное» (278).

⁴ Тургенев А. И. Письмо Булгаковым. М., 1939, с. 197—198. — Поруча — короткие рукава, надеваемые на руки священнослужителей при их облачении. Филарет (Дроздов Василий Михайлович, 1782—1867) — с 1826 г. митрополит московский и коломенский.

⁵ Московский пушкинист, вып. I. М., 1927, с. 33.

⁶ Яшин М. История гибели Пушкина. — «Нева», 1968, № 2, с. 192.

⁷ По-видимому, Р. — Ростопчина Е. П. (1811—1858), поэтесса, Б. — Бенедиктов В. Г. (1807—1873), поэт.

Начало этой записи прокомментировано самим Александром Ивановичем в его письме к брату в Париж: «О песне о Полку Игореде» переговорю с Пушкиным, который ею давно занимается и издает с примечаниями. <...>

Полночь. Я зашел к Пушкину справиться о песне о Полку Игореде, коей он приготавливает критическое издание. Он посылает тебе прилагаемое у сего издание оной на древнем русском (в оригинале) латинскими буквами и переводы Богемский и Польский; и в конце написал и свое мнение о сих переводах. У него случилось два экземпляра этой книжки. Он хочет сделать критическое издание сей песни, в роде Шлецерова Нестора и показать ошибки в толках Шишкова и других переводчиков и толкователей; но для этого ему нужно дожидаться смерти Шишкова, чтобы преждевременно не уморить его критикою, а других смехом. Три или четыре места в оригинале останутся неясными, но многое пояснится, особливо начало. Он прочел несколько замечаний своих, весьма основательных и остроумных: все основано на знании наречий славянских и языка русского. <...> Я провел у них весь вечер в умном и любопытном разговоре...»⁸

15 мая 1836 года И. М. Снегирев записал в дневнике, что он навещал Пушкина, который «просил сообщить ему мои замечания на Игореде песнь, коею он занимается, как самородным памятником русской словесности».⁹

Записки И. П. Сахарова, посетившего Пушкина за несколько дней до дуэли, сохранили следующий рассказ: «Пред смертью Пушкина приходили мы, я и Якубович, к Пушкину. Пушкин сидел на стуле; на полу лежала медвежья шкура; на ней сидела жена Пушкина, положила свою голову на колени к мужу. <...> Здесь я слышал его предсмертные замыслы о Слове Игореде полка — и только при разборе библиотеки Пушкина видел на лоскутках начатые заметки».¹⁰

После «Песни о полку Игореде» 15 декабря 1836 года разговор зашел о современной поэзии, по-видимому о Ростопчиной и о Бенедиктове, и, конечно, о самом Пушкине. Поэт прочитал самое сокровенное свое стихотворение —

⁸ Шеголев П. Е. Указ. соч., с. 278.

⁹ РА, 1902, № 10, с. 170—171.

¹⁰ РА, 1873, № 6, стб. 955.

«Памятник», «портрет его в подражание Державину», как записано в дневнике Тургенева.

В свой последний год Пушкин все сильнее испытывал невыносимую тяжесть жизни. Он не хотел смерти, но интуиция подсказывала ему, что он накануне опасного испытания, которое может окончиться гибелью. Возникла настоятельная потребность окинуть единым взором содеянное им. Так возник «Памятник». Академик М. П. Алексеев, посвятивший обширный труд этому стихотворению, установил, что до нас дошло лишь два (!) достоверных свидетельства современников о чтении Пушкиным «Памятника», — письмо Александра Карамзина к брату Андрею от 31 августа 1836 года, в котором сообщалось, что поэт читал это стихотворение Н. А. Муханову, и дневниковая запись Тургенева.¹¹

В «Памятнике» Пушкин вновь декларировал приверженность вольнолюбивым идеям своего века, вспоминал о том, что его лира призывала «милость к падшим», то есть к подвижникам 14 декабря. Естественно, что чтение «Памятника» направило разговор в русло декабристского движения. Речь зашла об А. С. Меншикове, участвовавшем вместе с М. Ф. Орловым в преддекабристском Ордене Русских рыцарей, о генерале Ермолове, о начальнике штаба 2-й армии П. Д. Киселеве. Все эти лица составляли негласный резерв декабристов; недаром кому-то из них принадлежит фраза, записанная Тургеневым: «без нас не обойдутся».

Разговор о событиях 14 декабря, о судьбах России подвел собеседников к «Философическому письму» Чаадаева. Шестьсот верст, отделявшие Москву от Петербурга, мешали Пушкину лично высказать автору свои суждения о «Философическом письме». 19 октября 1836 года он написал Чаадаеву подробное письмо; написал, но не отправил; в дни, когда московский философ-публицист стал жертвой издательского распоряжения Николая I, серьезная полемика была небезопасна и неуместна. «Ворон ворону глаза не выклюнет», — подписал Пушкин на письме к Чаадаеву.

До чего же близким единомышленником считал Пушкин Александра Ивановича, если именно ему прочел по-

¹¹ Алексеев М. П. Стихотворение Пушкина «Я памятник себе воздвиг...» Л., 1967, с. 23—25, 111—112.

ложенное под слуд письмо. А прочесть было необходимо; письмо жгло; оно не давало покоя; хотелось проверить силу аргументации, внутреннюю логику доводов. Для нас, знающих исторические и общественные взгляды Тургенева, несомненно, что в споре с Чаадаевым он взял сторону Пушкина.

Какой разнообразный круг вопросов подвергался суду Пушкина и Тургенева; под влиянием затянувшейся до полночи беседы Александр Иванович вскоре писал своей знакомой, хозяйке московского литературного салона Екатерине Александровне Свербеевой: «Пушкин мой сосед. Он полон идей, и мы очень сходимся друг с другом в наших нескончаемых беседах; иные находят его изменившимся, озабоченным и не принимающим в разговоре того участия, которое прежде было столь значительным. Я не из их числа, и мы с трудом кончаем разговор, в сущности не заканчивая его, то есть никогда не исчерпывая начатой темы».¹²

Перед нами возникают два образа Пушкина: один — затравленный постыдными дипломами и злыми языками, ожесточенный до предела камер-юнкер двора его императорского величества; другой — оживленный, поглощенный множеством замыслов, полный нескончаемого потока мыслей в обществе Александра Ивановича.

«Был на балу у Е. Ф. Мейендорфа, — записано в дневнике Д. Е. Келлера 17 декабря. — Он и жена говорили о Пушкине, о данном мне поручении перевести для государя рукопись генерала Гордона (сподвижника Петра). Я не танцевал и находился в комнате перед залой. Вдруг вышел оттуда Александр Сергеевич с Мейендорфом и нетерпеливо спрашивал его: «Но где же он? Где он?» Егор Федорович нас познакомил. Пошли расспросы об объеме и содержании рукописи. Пушкин удивился, когда узнал, что у меня шесть томов in-quarto, и сказал: «Государь говорил мне об этом манускрипте, как о редкости, но я не знал, что он столь пространен». Он спросил, не имею ли других подобных занятий в виду по окончании перевода, и упрашивал навещать его».¹³

¹² «Московский пушкинист», вып. 1, с. 23—24 (подлинник по-французски).

¹³ Пушкин А. С. Сочинения, под ред. П. Ефремова, т. VIII. СПб., 1905, с. 586.

Несколько дней спустя, 21 декабря, Пушкин и Тургенев обедали у археолога Е. Е. Келлера: «Сын Келлера переводит моего Гордона по Высочайшему повелению, а из Архива вытребовал и оригинал, — записал Александр Иванович. — Мой списан с Архивского, но помечен рукою Мюллера»¹⁴ (280).

Подробности приобретения этой редкой рукописи Тургенев сообщил в своих заграничных корреспонденциях: «В бытность мою в Лондоне известный книгопродавец Муррай — друг и издатель Байрона — уступил мне найденную мною у него рукопись, содержащую подробный „Журнал генерала Гордона“, шотландца, служившего во время двоецарствия и потом при Петре I. <...> Записки Гордона могут быть любопытны не только для истории его времени, и особенно для биографа Петра Великого, но и для занимающихся историею государственного управления в России вообще».¹⁵

Это строки из корреспонденции Тургенева, которую Пушкин готовил в то время для «Современника». Александр Иванович прав — дневник генерала-шотландца был любопытен Пушкину, историографу Петра I.

«19 декабря... Вечер у кн. Мещерской (Карамзинской). О Пушкине; все нападают на него за жену, я заступался. Compliments Софии Николаевны моей любезности. О Париже и пр.» (279).

Можно себе представить, как насмешливы были комплименты С. Н. Карамзиной, которая в отличие от Тургенева не понимала Пушкина и осуждала его поведение: «... мрачный, как ночь, нахмуренный, как Юпитер во гневе, Пушкин прерывал свое угрюмое и стеснительное молчание лишь редкими, короткими, ироническими, отрывистыми словами и время от времени демоническим смехом. Ах, смею тебя уверить, что это было ужасно смешно», — писала она брату о поведении Пушкина на придворном бале и маскараде.¹⁶

Пушкин, конечно, чувствовал, на чьей стороне симпатии Александра Ивановича; не исключено, что поэт был

осведомлен о заступничестве Тургенева. Как бы там ни было, Пушкин с каждым днем все больше тянулся к Тургеневу.

«21 декабря. <...> Пушкину обещал о Шотландии. После обеда у князя Вяземского с Пушкиным и прочими» (280).

Александр Иванович исполнил свое обещание 9 января; под этой датой отмечено, что передал Пушкину «выписки из моего журнала о Шотландии и Веймаре» (285).

Выписки Тургенева о Веймаре Пушкин сразу же стал готовить к печати; под названием «Отрывок из записной книжки путешественника (Веймар. Тифурт. Дом и кабинет Гете. Письмо к нему В. Скотта)» они появились в пятом томе «Современника», вышедшем в свет после смерти Пушкина.

Выписки о Шотландии до сего времени неизвестны. Однако несомненно, что Александр Иванович передал Пушкину описание своей поездки из Лондона в Абботсфорд летом 1828 года. Это путешествие крепко запало в душу Александру Ивановичу. Десять лет спустя он писал князю А. Н. Голицыну: «Перееду в Шотландию и возобновлю впечатления 1828 года и навещу замок, принадлежащий ныне истории, где наслаждался я три дня просвещенным гостеприимством Вальтер-Скотта. С его романами в дорожной сумке объеду озера, острова, горы и замки, им описанные, и возвращусь в Лондон привести в порядок мои исторические воспоминания и впечатления».¹⁷

История путешествия Тургенева в Шотландию такова. В апреле 1828 года ему посчастливилось попасть на вечер в гостеприимный английский дом, куда был приглашен и Вальтер Скотт. Английский писатель предложил А. И. Тургеневу посетить Абботсфорд. Русский путешественник принял любезное приглашение английского романиста и два месяца спустя тронулся в путь. Он посетил древний Оксфорд, где ничто не тревожит «лень души и ума». Затем он проехал Вудсток, «прославленный Чосе-

¹⁷ ИРЛИ, ф. 309, № 1102а. Цит. по копии письма от 21 августа (9 сентября) 1838 г.

¹⁴ Мюллер (Миллер) Иоанн (1752—1809) — историк.

¹⁵ Тургенев А. И. Хроника русского. Дневники (1825—1826 гг.). М.—Л., 1964, с. 103.

¹⁶ Пушкин в письмах Карамзиных 1836—1837 годов. М.—Л., 1960, с. 148. Письмо от 29 декабря 1836 г. (подлинник цо-французски).

ром, отцом английской поэзии», и романом В. Скотта. Далее А. И. Тургенев добрался до Стратфорда-на-Эвоне, родины Шекспира; был поражен тем, что в доме, где родился бессмертный драматург, торгуют мясом. Это навредило на грустные размышления, и А. И. Тургенев отправился отыскивать древнюю церковь, где похоронен Шекспир и супруга его. «Вид с моста на церковь, где покоится прах Шекспира, точно прелестный. Лес осеняет могилу певца и философа, и Авон отражает его и сохраняет зелень неувядаемой, как слава его».¹⁸

Оттуда А. И. Тургенев проехал в Варвик, осмотрел таинственный замок, «прекраснейший в Англии и достойный стихов Жуковского». Кстати сказать, по балладе Жуковского Варвиком был прозван в «Арзамасе» его брат — Н. И. Тургенев. Так личные воспоминания вплетались в тишину старинного английского замка.

В городке Кесвик А. И. Тургенев нанес визит поэту Роберту Саути и показал ему книгу Жуковского, в которой были помещены переводы его баллад.

4 августа А. И. Тургенев прибыл в Абботсфорд и три дня пользовался гостеприимством В. Скотта. И вел подробный дневник, который представлял для Пушкина острый интерес. Произведения В. Скотта Пушкин высоко ценил и называл их великими созданиями, пищей души. «Главная прелесть романов В. Скотта, — писал Пушкин, — состоит в том, что мы знакомимся с прошедшим временем — не с *enflure* «напыщенностью» французских трагедий, не с чопорностью чувствительных романов, не с *dignité* «приподнятым тоном» истории, но и современно, но домашним образом». (XII, 195).

А тут, в описании Александра Ивановича — сам Вальтер Скотт в своем семейном кругу, живой, общительный, обаятельный.

Возможно, что среди листов, переданных Пушкину и не увидевших света из-за смерти поэта, был рассказ о посещении Эдинбурга и некоторые другие подробности путешествия, не воспроизведенные нами. Но, несомненно, осмотр шекспировских мест, Оксфорда, Вудстока и Варвика, знакомство с Робертом Саути, трехдневное пребывание в гостях у Вальтера Скотта были опорными пунктами его повествования. Это была единая цепь историко-

литературных ассоциаций, последовательно подводящая к кульминации — к посещению Абботсфорда.

На основании заметок Пушкина и других материалов выявлен целый ряд работ, которые издатель «Современника» собирался включить в ближайшие номера журнала.¹⁹ Теперь к этому списку следует добавить шотландский «цикл» Тургенева.

24 декабря 1836 года Александр Иванович был в гостях у графини Эмили Карловны Музиной-Пушкиной.

«Я сидел подле Пушкина и долго и много разговаривал. Вяземский» порадовал действием, произведенным моей *Хроникой*. Пушкин о Мейендорфе: притворяется сердитым на меня за то, что я хотел спасти его. Пушкин зазвал к себе. <...> Читал роман Пушкина» (281).

В эти дни вышел в свет четвертый том «Современника»; в нем было напечатано продолжение парижской «Хроники русского», — о благоприятных отзывах на нее сообщил Вяземский. В этом же номере «Современника» появилась «Капитанская дочка», которую вечером, вернувшись от Пушкина, читал Тургенев.

«25 декабря. <...> к Карамзинным». С Пушкиным выговаривал ему за слово о Жуковском в IV № Современника (Забыл Барклая)» (281).

Стихотворение Пушкина «Полководец», посвященное Барклаю де Толли, вызвало полемику. Л. И. Голенищев-Кутузов, племянник Кутузова, в своей брошюре упрекал Пушкина в желании умалить заслуги великого полководца. Пушкин вынужден был напечатать объяснение, в котором писал: «...не могу не огорчиться, когда в смиренной хвале моей вождю, забытому Жуковским, соотечественники мои могли подозревать низкую и преступную сатиру...» (XII, 134). Действительно, в стихотворении Жуковского «Певец во стане русских воинов» Барклаю де Толли не упомянут среди героев Отечественной войны 1812 года.²⁰

¹⁹ Об этом см.: Рукою Пушкина, с. 281—285.

²⁰ Об этом см.: Кока Г. Пушкин о полководцах двенадцатого года. — «Прометей», № 7, 1969, с. 17—37; Вацуро В. Э. Вокруг «Современника». — В кн.: Вацуро В. Э., Гиллельсон М. И. Сквозь «умственные плотины». М., 1972, с. 259—266.

¹⁸ ИРЛИ, ф. 309, № 10, л. 91 об.

Этот частный случай имел для Пушкина более широкое значение. Мысль о забвении заслуг исторического лица, будь то полководец или писатель, часто посещала его в эти годы. Вполне вероятно, что, упрекая неблагодарных современников, Пушкин мог думать и о собственной судьбе, о недоброжелательных суждениях, которые раздавались по его адресу в это трудное время.

В последние дни года на страницах дневника Тургенева начинает мелькать имя Гизо. 26 декабря А. И. Тургенев беседовал с французским послом Барантом о речи Гизо, 27 декабря Барант прислал ему эту речь. Наконец, 30 декабря, отмечая посещение Академии наук, он записал: «Жукковский», Пушкин», Блудков», Уваров о Гизо» (283).

Имя Гизо, французского историка и политического деятеля, было отлично известно Пушкину. Еще в «Графе Нулине» (1825) Пушкин, иронизируя над своим героем, писал, что он вернулся из чужих краев «с ужасной книжкой Гизота» — намек на либеральные политические памфлеты Гизо. В начале 1830-х годов, задумав писать труд о французской революции, Пушкин читал исторические сочинения Гизо; в библиотеке Пушкина сохранились книги Гизо, в переписке не раз упоминаются его работы. Чем же был вызван повышенный интерес к Гизо в декабре 1836 года?

10 (22) декабря в Париже, во Французской академии, при большом стечении публики, на место умершего философа, экономиста, члена Конвента во времена Великой французской революции Дестю де Траси был избран Гизо; в этот день он стал одним из сорока «бессмертных» Французской академии. По установленному ритуалу Гизо произнес речь — надгробное слово своему предшественнику. Именно эта речь и обсуждалась в петербургских салонах.

Гизо запечатлел жизненный путь Дестю де Траси на грозном небосклоне французской истории. Его речь была величественным дифирамбом «великому столетию, которое завоевало мир», восхвалением «великого философа, последнего из поколения великих философов».²¹ Гизо про-

славлял титанов мысли XVIII века — Монтескье и Руссо, Вольтера и Бюффона, Кондильяка и Гельвеция, Дидро и Дестю де Траси. В быстром обзоре перед слушателями возникали головокружительные взлеты и стремительные падения Франции.

Это была речь присяжного оратора, привыкшего приковывать к себе умы. Ораторское искусство Гизо состояло в том, что он умел избегать монотонности и выспренного красноречия; в его речи попеременно слышались два голоса: то уверенный голос самого Гизо, представителя нового времени, нового поколения, принявшего эстафету прогресса и просвещения от великих энциклопедистов; то усталый скептический голос Дестю де Траси, разочарованного тем, что не удалось установить на земле царство разума. Испытания якобинской диктатуры и наполеоновского самовластия сокрушили его веру в человечество. Правда, он дождался возрождения популярности своих учителей, дождался и собственного успеха. Но «настоящее его не удовлетворяло, к будущему он не питал доверия».²²

Тургенев не поделился с нами мнением Пушкина о речи Гизо. Но, зная высказывания Пушкина о современной ему Франции, можно предполагать, что ему был ближе скепсис Дестю де Траси, нежели оптимизм Гизо.

«6 января <...> в 10 час. вечера отправился к Фикельмону: там любопытный разговор наш с Пушкин(ым), Барантом, кн. Вяземски(м). Хитрово одна слушала, англичанин²³ после вмешался. Барант рассказывал о записках

²² Ibid., p. 2262.

²³ Как установил Л. А. Черейский, англичанин — Чарльз Вильям Вейн Лондондерри (1778—1854), лорд, английский политический деятель, крайний торь; в 1835 г. он был назначен послом в Россию, но палата общин не утвердила это назначение. Он посетил Россию как частное лицо с сентября 1836 года по начало февраля 1837 года. Как видно из его воспоминаний, он был благосклонно принят Николаем I, Нессельроде и Чернышевым. Повествуя о приеме у императрицы в Царском Селе 13 сентября 1836 года, он упоминает среди присутствовавших Н. Н. Пушкину («Tour in the North of Europe in 1836—1837», V. I. London, 1838, p. 133), но никаких данных о встречах с Пушкиным и Тургеневым в его книге не имеется. Между тем в дневнике Тургенева за 29 декабря 1836 года значится, что он возил Лондондерри на годичный акт Академии, и, конечно, именно его обозначил Тургенев «англичанином» в дневниковой записи от 6 января 1837 г.

²¹ «Moniteur universel», 1836, № 358 (23.XII), p. 2261.

Талейрана, кои он читал, с глазу на глаз с Талкейраном», о первой его молодости и детстве. Много нежного, прекрасного, напоминающего les Confessions de J. J. Rousseau. В статье о Шуазеле, коего не любит Талкейран, много против Шуазеля. Шуазель дурно принял Талейрана и не любил его. Бакур будет издателем записок его. О Лудвиге 18, как редакторе писем и записок. Письмо к дофину, отданное Деказу. О записках Екатерины», о Потемкине. Письмо Монтекье по смерти Орлеанского. После Монтекье осталось много бумаг, они были у Лене, для разборки и издания; вероятно возвращены внуку Монтекье, недавно умершему в Англии, и пропали.²⁴ С Фикельмоном: о книге Лундмана.²⁵ У него есть шведская рукопись Бока, шведа, пленного, сосланного в Сибирь, откуда он прислал рапорт о войне в Штокгольм, обвиняя во многом Карла XII. С Либерманом о Минье; с Хитровой и Аршияком — о плотской любви. Вечер хот бы в Париже! Барант предлагал Пушкину перевести Капитанскую дочь» (284).

Эта записка позволяет нам окунуться в мир умственных интересов Пушкина; показывает, что предчувствие неумолимо надвигавшейся трагической развязки не опустошило его деятельный ум, не преградило его извечного стремления быть в просвещении с веком наравне.

Подробности об этом вечере содержатся в письме А. И. Тургенева к А. Я. Булгакову: «...мы провели очаровательный вечер у австрийского посла: этот вечер напомнил мне самые интимные салоны Парижа. Составился кружок из Баранта, Пушкина, Вяземского, прусского министра²⁶ и вашего покорнейшего слуги. Мы беседовали, что очень редко в настоящее время. Беседа была разнообразной, блестящей и очень интересной, так как Барант рассказывал нам пикантные вещи о Талейране и его мемуарах, первые части которых он прочел; Вяземский вносил свою часть, говоря свои острые словечки, достойные его оригинального ума. Пушкин рассказывал нам

анекдоты, черты Петра I и Екатерины II, и на этот раз я тоже был на высоте этих корифеев литературных салонов...»²⁷

Беседа имела «мемуарный» характер. Французский посол Проспер Барант и, как будет видно далее, Тургенев рассказывали о неизданных мемуарах Талейрана. Пушкин, крайне интересовавшийся в 1830-е годы мемуарами, воспоминаниями, хрониками, словом, документальными литературными жанрами, отвечал рассказами, почерпнутыми из мемуарных источников, из засекреченных, но тем не менее известных Пушкину записок Екатерины II, из свидетельств современников ее царствования. Разговор шел откровенный: историки Пушкин и Барант, разыскатель исторических бумаг Тургенев не славословили сильных мира сего, а судили их непредвзятым просвещенным судом, отдавали должное их заслугам, порицали их пороки.

Слова Александра Ивановича о том, что на этот раз он «тоже был на высоте этих корифеев литературных салонов», можно легко расшифровать, если прочесть его заграничные дневники.

Александр Иванович лично знал Талейрана по Парижу и Лондону, бывал в салоне герцогини Талейран-Перигор, супруги племянника Талейрана. Теперь было самое время блеснуть перед слушателями искрометной импровизацией о первейшем французском дипломате. Вдобавок Тургенев был наслышан о мемуарах Талейрана; он мог рассказать — и конечно рассказал — о них кое-что примечательное. Вот его записки за 1828 год.

«31 марта. Полночь. Обедал у Лансдовна с Дюмоном <...> и с другими. Дюмон говорил много о Каподистрии, о Бонштетине, о Талейране и пр. Сказывал черту Каподистрии», отказавшегося от пенсии, которую предлагал ему император Николой», сказав, что когда будет иметь в оной нужду, то к нему первому обратится.

Дюмон читал многое из записок Талейрана в Женеве, где Талейран провел с неделю. Примечательнейшее есть конгресс Эрфуртский, коего подробности и тайны никому еще доселе неизвестны. — Я пересказал Николаю все, что слышал, а он пересказал мне то, что знал о предложении

²⁷ Письма Александра Тургенева Булгаковым. М., 1939, с. 204 (подлинник по-французски).

²⁴ Рукописи Ш-Л. Монтекье сохранились; однако публикация их началась значительно позднее, с конца XIX в.

²⁵ Лундман — Людeman Вильгельм (Lüdeman W. 1796—1863) — автор книги «Petersburg wie es ist» (Dresden, 1830; 2 Aufl. Leipzig, 1836).

²⁶ Барон Либерман — прусский посол в Петербурге с ноября 1835 по июнь 1845 года.

государя, через барона Штейна, посылавшего с письмами о сем Николая «Тургенева» из Нанси в Женеву к Пиктету — французам Бурбонов. Только Штейн и Поцци были за них из русских. Несельроде и другие толковали о мире с Наполеоном».²⁸

Речь шла о закулисных усилиях русской дипломатии: вынужденный после заключения Тильзитского мира (1807) пойти на сближение с Наполеоном и подписать в октябре 1808 года Эрфуртскую конвенцию, Александр I предпринимал первые тайные шаги, направленные к реставрации династии Бурбонов.

«25 апреля <...> Дюмон сидел у меня и говорил о записках Талейрана, кои он читал ему. Желая убедить его в достоверности своих записок, Талейран прочел ему те части повествования, в коих происшествия известны Дюмону, как свидетелю, очевидцу оных. Он нашел одну истину и рассказ верный и оригинальный. Талейран», по мнению Дюмона, более нежели кто-нибудь знает историю своего времени: начинает оную с своего детства, с вступления в духовное звание — и тотчас переходит к революции. Ум его и разговор необыкновенно блистательный: mad. Stahl признавалась Дюмону, что она определила для себя почти все роды умов, но Талейранова ума по сию пору постигнуть, или по крайней мере определить не может. Дюмон отвечал ей, что его разговор отличается тем, что он обыкновенно перескакивает две или три идеи *inter medias res*²⁹ и заставляет слушающего отгадывать их и находить развязку в той мысли, которую содержит сказанное слово Талейрана. В пример сего Дюмон привел ответ Талейрана, когда его спросили о герцоге Ришелье: „C'est l'homme du monde qui connait le mieux l'administration d'Odessa“.³⁰ Слушателю приятно самому

²⁸ ИРЛИ, ф. 309, № 9, л. 54. — Дюмон Пьер-Этьен-Луи (1759—1822) — швейцарский публицист, в 1782—1783 годах был священником в Петербурге; затем уехал в Англию и служил секретарем у маркиза Лансдоуна: в начале Великой французской революции переехал в Париж, где сотрудничал с Мирабо; в 1791 году уехал снова в Англию, где стал секретарем и переводчиком Бен-тама Каподистрия Иоанн (1776—1831) — граф, в 1816—1822 годах один из руководителей Коллегии иностранных дел, почетный член «Арзамаса»; с 1827 года президент Греции.

²⁹ Между существом дела (лат.). — *Ред.*

³⁰ Это великосветский человек, который лучше всего знает административные дела Одессы (франц.). — *Ред.* Герцог Арман

придумать все то, что нужно первому министру Франции вдобавок к познанию — Одессы!»³¹

Рассказы Баранта и Тургенева о Талейране не могли не заинтересовать Пушкина. Талейран был слишком заметной фигурой европейской истории за последние полвека, чтобы можно было оставаться безучастным к нему. Но интерес не означал одобрения. Пушкин порицал правление Луи Филиппа, и он переносил свое осуждение на тех политических деятелей прошлого, которые пошли на службу новому режиму. 21 августа 1830 года Пушкин с убийственной иронией писал Е. М. Хитрово: «Брак г-жи де Жанлис с Лафайетом был бы вполне уместен, а венчать их должен был бы епископ Талейран. Так была бы завершена революция» (XIV, 415; подлинник по-французски).

«9 января <...> Я зашел к Пушкину: он читал мне свои *pastiche*³² на Вольтера и на потомка *Jeanne d'Arc*.³³ Потом он был у меня и мы рассматривали французские бумаги и заболтались до 4-х часов». Ермолов», Орлов», Киселев» все знали и ожидали: без нас дело не обойдется. Ермолов», желая спасти себя — спас Грибоедова. Узнав, предварил его за два часа. Обедал у Татарнинова». Зашел опять к Пушкину. Прочел ему письмо мое о Жюлье-векуре <...> Дал Пушкину мои письма, переписку Бонштеттена с m-me Stahl, его мелкие сочинения; выписки из моего журнала о Шотландии и о Веймаре» (285).

Как стремительно шло сближение Пушкина с Тургеневым! Они буквально не могут обойтись друг без друга, встречаясь по несколько раз в день. Сначала Александр Иванович зашел к Пушкину, и тот прочел ему только что написанное произведение «Последний из свойственников Иоанны д'Арк». Затем Пушкин посетил Тургенева и рассматривал вместе с ним копии документов по истории России, извлеченные из Парижских архивов. Вслед за

Ришелье (1766—1822), французский государственный деятель, более 20 лет находился на русской службе; в 1803 году был назначен градоначальником Одессы. После падения Наполеона Ришелье вернулся во Францию и в 1815—1818, а затем в 1820—1821 годах возглавлял французское правительство.

³¹ ИРЛИ, ф. 309, № 10, л. 17.

³² Подделку (франц.). — *Ред.*

³³ Жанны д'Арк (франц.). — *Ред.*

осмотром исторических бумаг разговор обратился к делу о декабристах. Как и во время их беседы 15 декабря, вновь замелькали имена Ермолова, Михаила Орлова, Киселева; всплыло имя Грибоедова, которого спас Ермолов: генерал предупредил его о предстоящем аресте по делу восстания на Сенатской площади — Грибоедов успел уничтожить компрометирующие его самого и Ермолова документы.³⁴

И, наконец, третий раз в этот день встречаются Пушкин и Александр Иванович. Последний снова зашел к Пушкину с ворохом бумаг. Он передал Пушкину очередную пачку писем-корреспонденций, выписки из своего дневника о Шотландии и Веймаре (о них мы уже говорили), сочинения швейцарского писателя Карла Виктора Бонштеттена и его переписку с мадам де Сталь. Со скончавшимся в 1832 году Бонштеттеном Александр Иванович был лично знаком и, следовательно, мог рассказывать Пушкину свои личные впечатления о нем. Кроме того, Тургенев прочел Пушкину свое письмо о французском писателе Поле де Жюльвекуре. В доме Жюльвекура, женатого на Лидии Николаевне Всеволожской, Тургенев бывал в Париже. Один перечень тем показывает, какими оживленными были три свидания Пушкина с Тургеньевым в этот короткий январский день.

Многое сближало их в эти дни: подготовка «Хроники русского» для «Современника», обозрение архивных сокровищ Тургеньева, библиотеки Пушкина, собеседования по широкому кругу исторических и злободневных вопросов, словом, общность умственных интересов.

Сближала их и заинтересованность А. И. Тургеньева журнальными планами Пушкина. В эти дни Александр Иванович писал в Париж:

«1837 13/25 Janvier

<...> J'aurai bien désiré de recevoir une lettre de Mr. Marmier, avec quelques détails sur son voyage. Dites le lui de ma part. Cette lettre retentirait dans le *Sovremennik* — *Contemporain*, journal de Mr. Pouskin, notre premier poete. Tachez d'en obtenir une de Mr. Marmier et rappelez lui sa promesse. Elle peut être courte, mais elle sera toujours bonne».³⁵

³⁴ Подробнее об этом см.: Нечкина М. В. А. С. Грибоедов и декабристы. Изд. 2-е. М., 1951, с. 482—490.

³⁵ ИРЛИ, ф. 309, № 950.

Перевод: «1837 13/25 января.

<...> Я хотел бы получить от Мармье письмо с некоторыми подробностями его путешествия. Скажите ему об этом от меня. Это письмо появилось бы в «Современнике», журнале Пушкина, нашего первого поэта. Постарайтесь заполучить письмо от Мармье и напомните ему о его обещании.³⁶ Письмо может быть коротким, но оно будет в любом случае хорошим».

Ксавье Мармье (1809—1882) — французский литератор; в середине 1830-х годов он принимал участие в экспедиции, снаряженной французской Академией в скандинавские страны; в 1837 году в журнале «Московский наблюдатель» были напечатаны его путевой очерк «Природа в Дании» и литературное эссе «Жизнь поэтов». После смерти Пушкина он побывал в России и издал в 1843 году «Письма о России, Финляндии и Польше». Позднее Ксавье Мармье перевел на французский язык повести Пушкина и написал о нем статью. Вот этого-то французского писателя приглашал Александр Иванович — с согласия, а скорее всего и по просьбе Пушкина — участвовать в «Современнике». Пушкин явно хотел увеличить в своем журнале удельный вес информации о Западной Европе, будь то Англия, Франция, Германия или Скандинавские страны.

Была еще одна причина, которая властно, хотя по всей вероятности безотчетно притягивала Пушкина и Александра Ивановича друг к другу. Враждебное отношение света к Пушкину в дни надвигавшейся катастрофы хорошо известно. Отверженным чувствовал себя и Тургенев. 14 января 1837 года он записал: «Опять от меня многие отворачивались, но и я от многих»; поколебалась уверенность даже в дружбе Жуковского: «Нужны ли мы друг другу?» — с горечью писал он в тот же день.

«15 генваря <...> Зашел к Пушкину; стихи к Морю о брате... <...> на детский бал к Вяземской (день рождения) Надиньки), любезничал с детьми, маменьками и гувернантками. — Стихи Пушкина к графине» Закревской. Вальсировал. <...> Пушкина и сестры ее» (287).

³⁶ В письме из Парижа от 24 апреля (7 мая) 1836 г. Тургенев сообщил Вяземскому, что Мармье обещал ему «сообщить впечатления Скандинавского Севера, во всей их свежести, и позволил передать их Пушкину» (ЛН, т. 58, с. 123).

Подробнее об этом свидании с Пушкиным Александр Иванович писал И. С. Аржевитинову: «... прочел он мне наизусть много стихов, коих я не знал, ибо они не были напечатаны. Одни более других мне понравились и тем уже, что написаны давно по случаю распространившегося слуха, что будто брат Николай» выдан англичанами; стихи адресованы к другому поэту, который написал стихи *К морю* и славил его».³⁷

Другой поэт — Вяземский. Летом 1826 года он жил в Ревеле, где, узнав о расправе над декабристами, написал стихотворение «Море»; поэт противопоставлял запятнанной преступлением земле чистую морскую стихию, воспевал «светлые, вечно юные» волны. Свое стихотворение Вяземский послал в Михайловское. Вскоре он получил ответ Пушкина:

«Так море, древний душегубец,
Воспламеняет гений твой?
Ты славишь лирой золотой
Нептуна грозного трезубец.
Не славь его. В наш гнусный век
Седой Нептун Земли союзник.
На всех стихиях человек —
Тиран, предатель или узник.

Сердечно благодарю тебя за стихи. Ныне каждый порыв из вещественности — драгоценен для души. Критику отложим до другого раза. Правда ли, что Николая Тургенева привезли на корабле в Петербург? Вот каково море наше хвалено!» (XIII, 290—291).

Не случайно в тяжелые преддуэльные дни в памяти Пушкина всплыли эти строки: пессимистический афоризм, завершающий философское раздумие, с особой силой звучал для него в это время. Сочувственный отзыв нашло оно и в душе Александра Ивановича: он попросил список стихов; на следующий день поэт исполнил его просьбу; 21 января Тургенев отослал их в Париж брату, нечаянному виновнику пушкинского шедевра.

Мы знаем, что 15 января 1837 года Пушкин читал Александру Ивановичу и другие неопубликованные стихи; в дневнике они не обозначены; лишь несколькими строками ниже упомянуто о стихах Пушкина к А. Ф. Закревской. Пушкин посвятил ей три стихотворения. Какое

из них имеет в виду Тургенев? Стихотворения «Портрет» и «Наперсник» были напечатаны в «Северных цветах» на 1829 год; следовательно, речь идет о третьем, которое при жизни Пушкина не публиковалось: «Счастлив, кто избран своенравно...»

«21 января... Отдал письма Аршияку и завтракал с ним. Он прочел мне письмо А. Пушкина о дуэли от 17 ноября 836» (288).

Виконт Огюст д'Аршиак — атташе французского посольства в Петербурге, родственник, друг и секундант Дантеса. По свидетельству современников, д'Аршиак, вопреки своей близости к Дантесу, был необыкновенно симпатичной личностью и благожелательно относился к Пушкину. Д'Аршиак прочитал А. И. Тургеневу письмо Пушкина к В. А. Соллогубу от 17 ноября 1836 года, в котором поэт объявлял, что, узнав о намерении Дантеса жениться на Е. Н. Гончаровой, он берет обратно свой вызов на дуэль.

«21 января. <...> Зашел к Пушкину: о Шатобриане и о Гете, о моем письме из Симбирска — о пароходе, коего дым проест глаза нашей татарщине» (288).

Это смелое, образное выражение сорвалось с пера Тургенева 7 сентября 1836 года в письме к Вяземскому: «Как мое Европейство обрадовалось, увидев у Симбирска пароход, плывущий из Нижнего к Саратову и Астрахань. Хотя на нем сидели татары и киргизы! Отчизна Вальтера-Скотта благодетельствует родине Карамзина и Державина. Татарщина не может долго устоять против этого угольного дыма Шотландского; он проест ей глаза, и они прояснятся».³⁸

Многое видел Александр Иванович во время своих заграничных странствий, о многом он мог рассказать Пушкину. Вплотную столкнулся он с промышленной Европой летом 1828 года при известной уже нам поездке из Лондона в Абботсфорд и Эдинбург. По всей вероятности, он не скупился знакомить своих друзей с картинами, столь непривычными русскому глазу.

«24 июля <1828>. Манчестер. 12-й час вечера. Выехав из Бирмингама в 9-ть часов, я точно так, как было обещано, приехал сюда ровно в 8½ вечера, сделав три мили

³⁷ РА, 1903, кн. 1, с. 144.

³⁸ «Литературный архив», т. I, М.—Л., 1938, с. 85.

объезда городами, через кои идет the Traveller.³⁹ Я сидел с кучером и имел случай расспрашивать его о том, что представлялось глазам моим и, подобно Вральману, видеть свет свысока. <...>

Едва выехали мы за город, как я увидел сперва вдаль, а потом и вблизи густые облака черного дыма, которые носятся над окрестностями Бирмингама: в разных местах они выходили из земли и над ними клубился черный дым, образующий в атмосфере мглу, подобную лондонской. Солнце затмевается сим дымом и сею мглою, вся окрестность делается туманною и дает и зелени какой-то особенный театральный цвет. Чем более отдалялись мы от Бирмингама, тем мгла становилась гуще, огни из труб и из подземных печей чаще, и я увидел на необозримом пространстве угольные и железные фабрики, с длинными трубами, кои придавали всему краю вид обширного пепелища турецкого, погорелого города, от коего остались невинными только одни минареты.

Уголья и железные огарки, покрывающие поверхность земли, дают ей какой-то печальный вид — и, кажется, подземное царство Вулканов не иначе можно представить, как нагледевшись на этот неугасающий пожар, из недр земли выходящий. И день и ночь без туч пылает горизонт. На пространстве 14 миль вы видите сию картину, изредка свежую зеленью оживленную.

Натурально, что и люди, кои бродят или трудятся на сем обширном пожарище, чернеют как уголья; и прекрасный пол здесь уже не только смуглый и чернобрый, но и черномазый. Но я встретил одну красавицу-чернушку, которой глаза блистали из-под копоты лица и черты ее пленяли и сквозь дымную наружность.

За несколько миль от Бирмингама уже все взрыто и только одна проезжая дорога осталась невскопанною, но и ее пересекают железные дороги, полосы-колеи, в разные стороны к многочисленным фабрикам проведенные.

Все курится, но это фимиам промышленности народной. Ночью зарева сии по всей окрестности должны быть неподражаемою картиною. С небольшой горы, на которую мы поднялись, огни сии еще умножились и взор мой терялся в туманных отдалениях и в мраке, который невольно сравнил я с нашею будущностью и видел в сем по-

жарище дорогу жизни, очищаемой в горниле бедствий». ⁴⁰

Вот так прямо набело, без единой помарки занесены в дневник впечатления Тургенева. Как своеобразны его сравнения, в которых промышленная панорама Англии проступает сквозь призму исторических и мифологических ассоциаций.

Его любознательный ум не останавливается на полдороге: ему мало изобразить, ему надобно осмыслить виденное. На следующий день он пишет резюме, в котором дает свое истолкование хода цивилизации: «Успехи городов, как и людей частных, зависят часто от одной счастливой мысли, от одного удачного предприятия: Больтон и Ватт открыли паровую машину — и Манчестер процветает. Но и в жизни городов есть эпохи различные, как и в жизни человеческой: есть первые неверные шаги детства, есть цветущая молодость и силы мужества, есть дряхлость и упадок, часто от городов и нас не зависящие.

Новый Ватт откроет новую машину — и судьба Манчестера и Бирмингама может измениться. Гений творит и разрушает; и разрушает часто и самую творческую свою силу». ⁴¹

Тургенев не был «залетным путешественником». Он понял, что в окутанных дымом фабричных корпусах, мимо которых неслась почтовая карета, рождалась Европа завтрашнего дня.

Пушкин интересовался перестройкой английской экономики, тем социальным антагонизмом, который, подобно раковой опухоли, неумолимо разрастался в дыму заводских корпусов; в статье «Путешествие из Москвы в Петербург» он писал:

«Прочтите жалобы английских фабричных работников: волосы станут дыбом от ужаса. Сколько отвратительных истязаний, непонятных мучений! какое холодное варварство с одной стороны, с другой какая страшная бедность! Вы подумаете, что дело идет о строении фараоновых пирамид, о евреях, работающих под бичами египтян. Совсем нет: дело идет о сукнах г-на Смигта или об иголках г-на Джексона» (XI, 257).

Мы не знаем достоверно, что именно рассказывал Александр Иванович Пушкину об английской промыш-

³⁹ Почтовая карета (англ.). — *Ред.*

⁴⁰ ИРЛИ, ф. 309, № 10, л. 98.

⁴¹ ИРЛИ, ф. 309, № 10.

ленности. Несомненно одно: беседы с ним были одним из главных источников сведений Пушкина о стремительно менявшей свое обличье Англии; никакие журналы и книги, как бы поучительны они ни были, не могли заменить живое слово очевидца-соотечественника.

В этот день, 21 января, Тургенев еще раз встретился с Пушкиным: «Обедал у Лубяновского с Пушкиным, Стогом, Свиным, Багреевым и пр. Анекдоты о Платоне <I прзб.> Репнине, Безбородке, Тутолмине и Державине. Донос его на Тутолмина государыне и поступок императрицы» (288).

Обед был у Федора Петровича Лубяновского (1777—1869), сенатора, переводчика, автора путевых очерков, в молодости служившего адъютантом у генерал-фельдмаршала Николая Васильевича Репнина. Лубяновский жил на Мойке, в одном доме с Пушкиным. Среди гостей были Александр Алексеевич Фролов-Багреев, зять М. М. Сперанского, управляющий Государственным заемным банком; Павел Петрович Свиный, литератор, издатель «Отечественных записок», в которых он печатал материалы по истории России; Алексей Данилович Стог, сенатор, член Английского клуба, литератор.

Предметом общего разговора было царствование Екатерины II. Говорили о московском митрополите, церковном ораторе, авторе богословских книг Платоне (Левшине, 1737—1812), о дипломате, секретаре Екатерины II, князе Александре Андреевиче Безбородко, и о некоторых других государственных деятелях. Беседовали и о ссоре наместника Петрозаводской губернии Тимофея Ивановича Тутолмина с Державиным, назначенным туда губернатором в конце 1784 года.

Тутолмин поехал в столицу с жалобой на Державина. Последний послал вдогонку донесение о беспорядках в тех частях управления, которые были подведомственны наместнику. Тутолмин был вызван к Екатерине II и на коленях просил милости. Биограф Державина академик Я. К. Грот писал об этом: «О том, что Тутолмин в кабинете императрицы бросился ей в ноги, ходили действительно слухи, но тому были различные толкования. Противная Державину партия рассказывала, что Тутолмин по приезде из Петрозаводска несколько раз был пригла-

шаем к столу императрицы, что в первый раз, после обеда, она дала ему прочесть донесение Державина, а через несколько времени потребовала у него отзыва об этой бумаге и на замечание о ее неосновательности будто бы сказала, что и сама ничего не находит в ней, кроме поэзии; будто бы Тутолмин, откланиваясь, заявил, что просит одной милости: стал на колени и, поцеловав руку государыни, ходатайствовал о пожаловании Державину ордена Владимира 2-й степени, что она и одобрила, похвалив Тутолмина за благородный поступок».⁴²

Далее Я. К. Грот высказывает сомнение в этой версии, указав, что Державин получил орден Владимира не 2-й, а 3-й степени, и то не в Петрозаводске, а уже в Тамбовской губернии в 1787 году. Но нас в данном случае интересует не достоверность самого рассказа, а источник информации биографа Державина; в примечании к этому месту он писал: «Это рассказывал мне покойный Ф. П. Лубяновский, некогда адъютант Репнина, очень не благоволивший к поэту. <...> Он уверял, что слышал этот рассказ от самого Тутолмина, в бытность его московским генерал-губернатором, и передавал его с разными прикрасами, прибавляя в заключении, что бывший наместник не удовольствовался упомянутою просьбой, но при вторичной, прощальной аудиенции просил еще последней милости: чтоб ему дозволено было самому надеть на Державина пожалованный орден».⁴³

Итак, тот самый Лубяновский, который рассказывал анекдоты екатерининского царствования Пушкину и его друзьям, осведомлял Я. К. Грота. Вероятно, в обоих случаях он передавал одни и те же красочные подробности о распре Державина с Тутолминым.

«23 генваря. Кончил переписку *Веймарского дня*, прибавил письмо 15 англичан к Гете и ответ его в стихах и после обеда отдал и прочел бумагу Вяземскому, а до обеда зашли ко мне Пушкин и Плетнев и читали ее и хвалили. Пушкин хотел только выкинуть стих <творение> Лобанова» (289).

Корреспонденция о Веймаре появилась в пятом томе «Современника», без стихотворения Лобанова. Но отсут-

⁴² Державин Г. Р. Сочинения, т. VIII. СПб., 1880, с. 376.

⁴³ Там же, с. 376—377.

ствует в ней и стихотворный ответ Гете, вместо которого напечатано письмо Вальтера Скотта к Гете.

«24 января. Воскресенье. Кончил чтение Шатобриана Английской литературы». Сколько прекрасных страниц, гармонических и трогательных; но где английская литература? Везде он, а Мильтон редко выглядывает из-под Шатобриана» (289).

Пусть в этой записи нет прямого упоминания Пушкина; обойти ее было бы непростительной ошибкой. Вспомним, что в конце 1836 года Пушкин в статье «О Мильтоне и Шатобриановом переводе „Потерянного рая“» писал о той же книге французского писателя: „В ученой критике Шатобриан нетверд, робок и сам не свой; он говорит о писателях, которых не читал; судит о них вскользь и понаслышке и кое-как отделяется от скучной должности библиографа; но поминутно из-под пера его вылетают вдохновенные страницы; он поминутно забывает критические изыскания, и на свободе развивает свои мысли о великих исторических эпохах, которые сближает с теми, коим сам он был свидетель. Много искренности, много сердечного красноречия, много простодушия (иногда детского, но всегда привлекательного) в сих отрывках, чуждых истории английской литературы, по которые и составляют истинное достоинство *Опыта*» (XII, 145).

Сравним оценку Пушкина с суждением Александра Ивановича: невольно возникает мысль, что дневниковая запись является конспектом того, что развернуто в статье Пушкина. Подобное совпадение предопределено чертами интеллектуальной близости Пушкина и Тургенева.

«26 января. Я сидел до 4-го часа, перечитывал мои письма; успел только прочесть Пушкину выписку из парижских бумаг» (290).

Выписки содержали донесения французских послов из Петербурга времен Петра I.⁴⁴ Для Пушкина они были «хлебом насущным»; он хотел вторично в этот день навестить Александра Ивановича, еще и еще почитать эти донесения. Но события захлестнули его, и он вторых пишет записку Тургеневу:

«Не могу отлучиться. Жду Вас до 5 часов».

⁴⁴ Об этом см.: Фейнберг И. Незавершенные работы Пушкина. Изд. 5-е. М., 1969, с. 162—187.

И на том же клочке бумаги рукой Тургенева: «Последняя записка ко мне Пушкина накануне дуэля».

Больше они не встретились. Много, очень многое осталось недоговоренным...

Во время их последней встречи Пушкин порадовал Тургенева подарком. «Пушкин за день до дуэля подарил мне свои повести с отметкою его руки на заглавии (вместо 1-й части написана 2-я), отыщите и ее и пришлите ко мне», — писал Александр Иванович Жуковскому 28 марта.⁴⁵

Повести, подаренные Тургеневу, это — «Поэмы и повести Александра Пушкина» в двух частях, изданные в 1835 году. Тургенев в это время был за границей и поэтому получил их с запозданием.

В том же письме к Жуковскому Александр Иванович сообщил: «...на столе у него лежала доставленная мною из Италии книжка с свободолобивыми итальянскими песнями. Я не желал бы, чтобы она (с моею отметкою) валялась или перешла в другие руки; да и в ней отметил кое-что Пушкин и обещал мне ее возвратить».⁴⁶

«Книжка с свободолобивыми итальянскими песнями» не сохранилась среди книг Пушкина; скорее всего, она бесследно исчезла в первые же дни после катастрофы.

И третья просьба к Жуковскому: «Может быть найдется у вас и Песнь о Полку Игореве, in-4, в бумажке, с отметками карандашом Италинского. Я ссудил ею Пушкина для его издания этой песни. Пожалуста, поищите. Пропадет и никто не узнает, что рука единственного русского археолога объясняла певца древнейшего; да и объяснения — по восточным языкам — важны».⁴⁷

«27 января... Скарятин сказал мне о дуэли Пушкина с Геккерном; я спросил у Карамзиной и побежал к Мещерской: они уже знали. Я к Пушкину: там нашел Жуковского, князя и княгиню Вяземских и раненого смертельно Пушкина, Арндта, Спасского — все отчаявались. — Пробыл с ними до полуночи, и опять к княгине Мещерской». Там до двух и опять к Пушкину, где пробыл до 4-го утра. Государь прислал Арндта с письмом, собствен-

⁴⁵ «Московский пушкинист», вып. I, с. 28.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же. Италинский Андрей Яковлевич (1743—1827) — камергер, русский чрезвычайный посланник и полномочный министр при папском дворе.

«ным» карандашом: только показать ему: «Если Бог не велит нам свидеться на этом свете, то прими мое прощение (которого Пушкин просил у него себе и Данзасу) и совет умереть христиански, исповедаться и причаститься; а за жену и детей не беспокойся; они мои дети и я буду пещись о них». Пушкин сложил руки и благодарил Бога, сказав, чтобы Жуковский передал государю его благодарность. Приезд его: мысль о жене и слова, ей сказанные! «будь спокойна, ты ни в чем не виновата» (290).

«28 января. Луи⁴⁸ справлялся: хуже. В 10 часов я уже был опять у Пушкина. Опасность увеличилась. Страдания ночью и крики, коих не слыхала жена. Последний разбудил ее, но ей сказали, что это на улице.<...>

Был на похоронах у сына Греча: опять к Пушкину, простился с ним. Он пожал мне два раза, взглянул и махнул тихо рукою. Карамзину просил перекрестить его. Вельгурскому сказал, что любит его. Жуковский все тот же.

Обедал у Путятиных. Потом опять к Пушкину и домой и к Пкушкину; пил чай у Карамзинных до 4 часу» (291).

Куда бы ни шел в этот день Тургенев, его неудержимо влекло назад в хорошо знакомый дом на Мойку. Умом он понимал, что наступила катастрофа, но сердце еще не хотело верить в неизбежность страшной потери.

«29 января. День рожденья Жуковского и смерти Пушкина. Мне прислали сказать, что ему хуже да хуже. В 10-м часу я пошел к нему. Жуковский, Вельгурский, Вяземский ночевали там. Князь А. Н. Голицын призвал к себе: рассказал ему о Пушкине и просил за Данзаса... Описал весь день и кончину Пушкина в двух письмах для сестрицы.

В 2³/₄ пополудни поэта не стало: последние слова и последний вздох его. Жуковский, Вяземский, сестра милосердия, Даль, Данзас, Др...⁴⁹ закрыл его глаза» (291).

Печальные события, связанные с гибелью Пушкина, рассказаны Тургеневым в его письмах к друзьям и близким. Повествуя о народном горе, о трогательных проявлениях симпатии простого народа к погибшему поэту, Александр Иванович с горечью писал А. И. Нефедьевой: «Одна

⁴⁸ Луи — слуга-француз Тургенева.

⁴⁹ Др... — т. е. доктор; Тургенев имел в виду врача Андреевского.

так называемая *знать* наша или высшая аристократия не отдала последней почести Гению Русскому: она толкует, следуя моде, о народности и пр., а почти никто из высших чинов двора, из генерал-адъютантов и пр. не пришел ко гробу Пкушкина». Но она, болтая по-французски, по своей русской безграмотности, и не в праве печалиться о такой потере, которой оценить не могут». ⁵⁰ «Знать наша не знает славы русской, олицетворенной в Пушкине», — записано в дневнике Тургенева.

Полуопальному действительному статскому советнику Тургеневу повелел Николай I сопровождать в последний путь опального поэта.

«2 февраля <...> Жуковский приехал ко мне с известием, что Государь назначает меня провожать тело Пушкина до последнего жилища его. Мы толковали о прекрасном поступке Государя в отношении к Пушкину и к Карамзину. После него Федоров со стихами на день его рождения, и опять Жуковский с письмом графа Бенкендорфа к графу Строганову, — о том, что вместо Данзаса назначен я, в качестве старого друга (ancien ami), отдать ему последний долг. Я решился принять и переговорить о времени отъезда с графом Строгановым. Поручил Федорову собрать сведения о Пскове. Пошел к графу Строганову <...> Графа Строганова не застал <...> Был в другой раз до обеда у графа Строганова, отдал письмо, и мы условились о дне отъезда. Государю угодно, чтобы завтра в ночь. Я сказал, что поеду на свой счет и с особой подорожной» (293).

Не по казенной надобности, не из желания угодить Николаю I ехал Тургенев; друг ехал хоронить друга.

В тот же день до Александра Ивановича дошло стихотворение «На смерть поэта». «Стихи Лермонтова прекрасны», — записал он в дневнике.

«4 февраля, в 1-м часу утра или ночи, отправился за гробом Пушкина в Псков; перед гробом и мною скакал жандармский капитан. <...> На станции перед Псковом встреча с камергером Яхонтовым, который вез письмо Мордвинова к Пешурову, но не сказал мне о нем. Я поил его чаем и обогнал его, приехал к 9-ти часам в Псков, прямо к губернатору — на вечеринку. Яхонтов скор и

⁵⁰ Пушкин и его современники, вып. VI. СПб, 1908, с 66 Письмо от 1 февраля 1837 г.

прислал письмо Мордвинова, которое губернатор начал читать вслух, но дошел до Высочайшего повеления — о *невстрече* — тихо и показал только мне, именно тому, кому казать не должно было: сцена хоть бы из комедии!» (294).

Мордвинов передавал в письме волю Николая I, по которой на похоронах Пушкина все должно было быть по возможности незаметно, губернатору поручалось пресекать «всякую церемонию, кроме того, что обыкновенно по нашему церковному обряду исполняется при погребении тела дворянина» (294).

Для всей мыслящей России Пушкин был национальным гением, для Николая I — обыкновенным дворянином!

«5 февраля отправились сперва в Остров, за 56 верст, оттуда за 50 верст к *Осиповой* — в Тригорское, где уже был в три часа пополудни. За нами прискакал и гроб в 7-м часу вечера; почталюна оставил я на последней станции с моей кибиткой. Осипова послала, по моей просьбе, мужиков рыть могилу; вскоре и мы туда поехали с жандармом; зашли к архимандриту; он дал мне описание монастыря; рыли могилу; между тем я осмотрел, хотя и ночью, церковь, ограду, здания. Условились приехать на другой день и возвратились в Тригорское. Повстречали тело на дороге, которое скакало в монастырь. Напились чаю; я уложил спать жандарма и сам остался мыслить вслух о Пушкине с милыми хозяйками; читал альбом со стихами Пушкина, Языкова и пр. Нашел Пушкина нигде не напечатанные. Дочь пленяла меня; мы подружались. В 11 часов я лег спать. На другой день

6 февраля, в 6 часов утра, отправились *мы* — я и жандарм! — опять в монастырь, — все еще рыли могилу; мы отслужили панихиду в церкви и вынесли на плечах крестьян и дядьки гроб в могилу — немногие плакали. Я бросил горсть земли в могилу; выронил несколько слез — вспомнил о Сереже, — и возвратился в Тригорское. Там предложили мне ехать в Михайловское, и я поехал с милой дочерью, несмотря на желание и на убеждение жандарма не ездить, а спешить в обратный путь.

Дорогой Мария Ивановна объяснила мне Пушкина в деревенской жизни его, показывала урочища, места <вырвано> любимые сосны, два озера, покрытых снегом, и мы вошли в домик поэта, где он прожил свою ссылку и написал лучшие стихи свои. Все пусто. Дворник, жена его плакали. Я искал вещь, которую бы мог унести из дома;

две крошечные вазы на печках оставил я для сирот. Спросил старого, исписанного пера: мне принесли новое, неочиненное; насмотревшись, мы опять сели в кибитку-коляску и, дружно разговаривая, возвратились в Тригорское. Отзавтракав, простились. Хозяйка дала мне нем<ецкий> кеер-саке⁵¹ на память; я обещал ей стихи Лермонтова, Онегина и мой портрет. Мы нежно прощались, особливо с Марией Ивановной, уселись в кибитку и на лошадях хозяйки по реке Великой менее нежели в три часа достигли до 1-ой станции. Заплатил за упавшую под гробом лошадь — и поехал дальше» (294—297).

Ранее Александр Иванович не был знаком с Осиповой и ее семейством. Они встретились и сблизились у гроба Пушкина.

Друзья горевали.

Враги продолжали слезку.

«Граф Бенкендорф, свидетельствуя совершенное почтение его превосходительству Сергию Семеновичу, имеет честь сообщить в подлиннике полученную им из Москвы частную записку о намерении тамошних литераторов служить панихиду по умершем Пушкине, — покорнейше прося оную записку по прочтении ему вернуть. Б.

1-го марта 1837».⁵²

Экс-арзамасец Уваров покорнейше исполнил просьбу шефа жандармов графа Бенкендорфа: он прочел записку, взял на заметку имена литераторов, задумавших почтить память поэта, и вернул записку Бенкендорфу.

Когда-то в Михайловском Пушкин заказал панихиду по убиенному боярину Георгию — английскому поэту Байрону, погибшему в Греции.

Теперь московские литераторы заказывали панихиду по убиенному боярину Александру — поэту Пушкину, погибшему в Петербурге.

Три общественных трагедии пережил Пушкин. Первая — разгром революционного движения в Западной Европе в начале 1820-х годов.

Вторая — поражение декабристов на Сенатской площади. Третья — разочарование в политике Николая I,

⁵¹ Альбом со стихами и иллюстрациями (англ.) — *Ред.*

⁵² Отдел письменных источников Гос исторического музея, ф. 17, № 66, л. 39.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

утрата веры в возможность установления в стране просвещенной монархии.

Драматическое движение истории отразилось и в творчестве Пушкина, и на судьбе литературно-общественных группировок, участником которых он являлся.

После 14 декабря 1825 года на обломках арзамасского братства возникает пушкинский круг писателей; он является на историческом переломе, в годы колебаний Николая I по поводу необходимости проведения кардинальных социальных реформ. Деятельность секретного комитета 6 декабря 1826 года и отмена в 1828 году «чугунного» цензурного устава Шишкова показывают нерешительность правительства в области внутренней политики. Эта эпоха длится до 1832 года; именно в эти годы — 1825—1832 — мы наблюдаем наиболее интенсивную деятельность писателей пушкинского круга как в их журнальных начинаниях, так и в попытках склонить правительство к избранию курса просвещенного правления. После запрещения «Европейца» в политике Николая I окончательно возобладало крепостническое начало. Сознание социального поражения все сильнее ощущается среди передовых дворянских писателей. Гибель Пушкина лишь ускоряет неизбежный процесс дальнейшей изоляции и распада их литературно-общественного содружества.

Деятельность пушкинского круга писателей — значительная веха в истории русского Просвещения. Произведения Пушкина, Жуковского, Гоголя, Дельвига, Баратынского, Вяземского, Владимира Одоевского, Тютчева стали неотъемлемой частью нашей духовной культуры. Историко-философские письма, высказывания и статьи Чаадаева, Ивана Киреевского, Пушкина, Дениса Давыдова, Жуковского, Вяземского способствовали последующему расцвету славянофильства и западничества. Таким образом, значение этого литературно-общественного течения выходит за пределы художественной литературы; оно оставило заметный след и в истории общественной мысли.

Исторически весом и социальный опыт писателей пушкинского круга. Но это тема особого исследования, которое, на наш взгляд, выявит разностороннее воздействие судеб Пушкина и его литературных соратников на жизненные пути писателей второй половины XIX и начала XX века.

- ЖМНП — «Журнал Министерства народного просвещения».
 ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР (Ленинград).
 ЛН — Литературное наследство.
 Новонайденный автограф Пушкина — Новонайденный автограф Пушкина. Подготовка текста, статья и комментарии В. Э. Вацуро и М. И. Гиллельсона. Л., 1968.
 ОА — Остафьевский архив князей Вяземских, тт. I—V. СПб., 1899—1913.
 РА — «Русский архив».
 РЛ — «Русская литература».
 РС — «Русская старина».
 Рыскин — Е. И. Рыскин. Журнал А. С. Пушкина «Современник». 1836—1837. Указатель содержания. М., 1967.
 ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства (Москва).
 ЦГАОР — Центральный государственный архив Октябрьской революции (Москва).
 ЦГИА — Центральный государственный исторический архив (Ленинград).